

ЧТО ЖЕ СКАЖЕМ?

Павел, в своем послании к Римлянам как минимум пять раз повторяет арамейское выражение: "Что скажем?" Эти слова "май ка машма лан?" (?) (מָאִ קְאַ מַשְׁמָאַ לָאַנְ) часто адресовались к слушателям в конце проповеди, призывая присутствующих подумать над практической стороной и значимостью выдвигаемых аргументов. Христианская вера — это образ жизни, и после крещения верующий становится учеником Иисуса. Каким Иисус остался в нашем сознании после того, как мы описали Его одновременно в свете литературы Его времени и наиболее древних, наименее подверженных цензуре, еврейских источников?

Самый лучший обзор нашей книги можно совершить, бросив взгляд на раздел "Содержание". Обсуждаемая нами тема была весьма обширной и сложной. Научный подход обычно предполагает, прежде всего, систематизированное и последовательное изложение общепринятых и детально определенных данных. Что касается идеографических дисциплин, — то есть того, что относится к концептуальному мышлению, — мы видели, что они требуют выявления "направляющих [определенящих] точек зрения по изучаемым вопросам, а затем — их положения в мыслительной жизни человека. По этой причине в книге "Мессия в Ветхом Завете" приводилась весьма обширная и искуссияо человеческом самоуправлении и важности нахождения подходящего метода и источников данных.²³² И не следует забывать также, что выводы лишь в том случае максимально приближаются к истине, если мы исследуем предмет по методу: "от общего — к частному".

232. "Мессия в Ветхом Завете", стр. 20-31.

Вопрос о том, насколько всеобъемлющими являются исследования, однако, исключительно сложен при изучении Библии, потому что она представляет собой семитский взгляд на мир. Более того, как показали многие недавние исследования литературы Мидраш, даже Евангелия и Послания апостола Павла отражают собой раввинистический метод подачи материала и аргументации. Финский профессор Тимо Вейола очень красиво сформулировал эту мысль в одном из своих исследований. Он сказал, что доведение теологии ветхого Завета до простых людей является сложной задачей, так как:

"Она требует от писателя не только глубоких библейских и теологических познаний, но также и большого жизненного опыта, без которого он рискует упростить понятие Бога, подобно тому, как это сделали друзья Иова".

Целью проведенных мною исследований корней христианской веры было восполнение одного общего недостатка, преобладающего в теологии как Ветхого, так и Нового Заветов, относительно "общепризнанных и определенных данных" по иудаизму. Не зная этих фактов, критик обречен на выдвижение слабых и необоснованных аргументов относительно оснований нашей религии. К аргументам такого рода, среди прочих, относятся возражения против теологии "исполнения пророчеств" и тезис о том, что Лука понятия не имел о доктрине Искупления.

Несомненно, что все мы имеем собственные предубеждения и пристрастия и что так или иначе мы подошли к изучению данного предмета, уже имея какую-то позицию по этому вопросу. Все обобщения — как либеральные, так и буквальные — являются, как это называют в научных кругах, "согласованиями", проведенными незаконно, и поэтому они не имеют силы. Послание к Римлянам 12:6, говоря о "пророчествовании по мере веры", использует греческую фразу: *kata ten analogian tes pisteos* — мы должны поступать "по аналогии с верой!" Если мы поступаем так потому, что уверены в достоверности изучаемых нами материалов, то это

считается протестом. Тем не менее, неверие также рождает свои аналогии, и оно может возникнуть из уже существующей противоположной формы. Слово "протест" на самом деле означает "пребывание на стороне чего-то". Если какой-то метод исследования "освящается" и возводится в ранг единственно приемлемого научного метода, то всю дискуссию неизбежно ожидает тупиковая ситуация, как это выразил один академик: "Различные партии являются пленниками методологий друг друга и общей ситуации". *Наши исследования корней отнюдь не ставят своей целью "взять на вооружение" иудейские методы толкования, в качестве "моделей", однако понять — к какому "мыслительному миру" относится Новый Завет, мы можем только в том случае, если мы знакомы с особенностями иудейских методов истолкования Писаний.*

Во-вторых, именно "образцы" иудейской литературы доказывают историчность рассматриваемых вопросов. Тенденция к "расщеплению", когда проблемы разделяются а крошечные частицы, в самом деле может существенно помочь целому, однако слишком часто решения, которые "наиболее естественным образом возникают из текстов", и которые формируются на основании того, как тексты "освещают сами себя", ведут к истолкованиям, которые расходятся самим текстом. Далее, если мы пытаемся с научной точки зрения доказать, что тот или иной факт является исторически неверным, то окончательным результатом наших усилий является сведение на нет всего развития теологии. Хорошим примером последствий "озарения" одного человека является ислам. Мухаммед, молодой наездник верблюдов, имел весьма поверхностные представления о христианстве и иудаизме, однако на основании этих своих познаний он создал культ, который, по его мнению, лучше подходил для условий его культуры.

В свете всего сказанного выше нам следует со всей серьезностью подойти к наблюдению, сделанному Мировой Лютеранской Федерацией в Боссе в августе 1982 года: "Знакомясь с иудаизмом и еврейским народом, Церковь об-

ретает более полное понимание своих собственных библейских корней". Подобное открытие произведет "новый всплеск веры" во всех сферах жизни Церкви. Раввинистические материалы, имеющие отношение к толкованию Нового Завета, столь многочисленны, что к ним просто нельзя относиться поверхностно и необдуманно. Все средневековые и более поздние раввинистические комментарии Ветхого Завета, правда, написаны так называемым "шрифтом РаШИ", который отличается от обычных иудейских символов. Поэтому эти комментарии выглядят "непреодолимой стеной" для всех, кто пытается их прочитать. Однако, когда вы преодолеваете этот первый барьер, тот иврит, на котором написан текст, кажется вам относительно простым.

Поскольку основным направлением исследований христианской Церкви должна быть христология как основа христианской надежды, из нашего двухтомника, посвященного исследованиям корней, будет видно — насколько более широкие перспективы [обоснования мессианской надежды] открываются с позиций таких общепризнанных и наименее подверженных цензуре иудейских источников, как Таргумы, а также литература Мидраш и Зохар. Методология не делает ударения, — особенно с точки зрения изучаемого предмета, — на важности выбора подходящих источников. Христианский писатель должен обладать достаточной смелостью для того, чтобы углубиться в родную библейскую почву и, по крайней мере, прислушиваться к тому, что говорят о ее тексте старейшие толкователи Ветхого Завета.

Какие же плоды принесло это наше исследование Нового Завета? Самое главное, вероятно, — признать, что такие источники, как арамейский Таргум Ионатана и Мидраш, содержат явно выраженный мессианский лейтмотив, который по-прежнему отражается в средневековых раввинистических толкованиях, особенно в комментариях РаШИ, и эти толкования почти всегда затрагивают новозаветное мышление. Во-вторых, в форме представления материала и образе мышления Евангелий и посланий апостола Павла мы нередко находим рассуждения, типичные для проповедей синагоги. Более

того, уже в наши дни мы можем видеть, насколько сильно открытие рукописей Мертвого моря повлияло на понимание и новое признание христианских источников, в частности — Евангелия от Иоанна и теологии Павла. Даже такие критически и непредвзято настроенные ученые, как Джон А. Т. Робинсон, вынуждены были датировать период написания Евангелий более ранним сроком, чем все так называемые писатели-фундаменталисты когда-либо мечтали. И "Иерусалимская школа" начала сотрясать рабочие гипотезы, уже "закостеневшие" в умах многих теологов, о том, что Марк был самым ранним евангелистом. По этим причинам может случиться так, что "Введения", используемые в качестве учебников в теологических семинариях, придется переделывать — считает Робинсон.

Также мы видели, что с точки зрения своего содержания Евангелия вписываются в мир еврейского мышления и систему ценностей, хотя учение Иисуса относится к намного более ранней стадии, чем параллельные им утверждения из раввинистической литературы. При изучении Талмуда становится очевидным то, что мудрецы сознательно избегали толкований, в которых чувствовались христианские веяния. Молитва "Отче наш" содержит фразы и прошения, характерные для дохристианского периода, которые сохранились в иудейской молитвенной литературе, хотя, как подчеркивал доктор Готтлиб Клейн, "только Иисус мог молиться так в то время". Более того, эта молитва отражает намеки на веру в воскресение. В свете таких источников, как Мидраш Руфь, Мидраш по Псалму 21 и иудейская молитвенная литература, Святое Причастие Господне необходимо понимать как мессианскую трапезу, намекающую на вечное будущее. Подлинный материал о теологии ранней Церкви мы также видим в эсхатологических беседах Иисуса, — эти материалы никак не могли быть более поздним изобретением самих учеников. Понимать их следует на диспенсационной основе, принимая во внимание "два дня Мессии" и два исполнения пророчеств о последних временах. В учении Иисуса мы повсеместно находим "мессианский мотив", будь то Его заявление о Своей божественности, Его назидательные беседы или притчи. Как

в свое время воскликнул Роусси: "Такого выдумать невозможно!" Эти материалы исходят от Самого Иисуса, и они являются частью Его мессианского служения: мы помним, что именно Мессия должен дать *таамэй тора хадашим* (תעמי תורה חדשים), "новые принципы для толкования Торы", и новое побуждение.

Как же нам использовать эти исследования? Читатель должен понимать, что теологическое исследование, фокусирующееся на библейской христологии, по природе своей уничтожает даже барьеры между различными деноминациями, о чем свидетельствует приведенное мной в предисловии письмо от архиепископа, представляющего восточную Месопотамскую и Ассирийскую церкви. Во-вторых, теологи должны работать в экуменистических контекстах. По этой причине возможно, что книги такого рода будут способствовать преодолению барьеров, разделяющих наши западные церкви.

Представленные в данной работе исследования наших корней происходят от любви и заботы по отношению к избранному народу Божьему. Поэтому было очень приятно узнать о том, что израильское периодическое издание евреев, верующих в Иисуса, Бе-Шув, опубликовало довольно длинный отзыв Дж. Кюглера о значительности первого тома данной книги "Мессия в Ветхом Завете в свете раввинистических писаний", изданного на иврите. Автор статьи отмечает прежде всего, что "впервые в жизни нашего поколения израильские христиане, говорящие на иврите, получили учебник о Мессии на родном языке". Поскольку текст еврейского издания книги короче и содержит местами более трудные для усвоения концепции, по сравнению с тем материалом, который мы находим в данной версии книги, ориентированной на людей, не читающих на иврите, я боялся, что не все написанное там можно будет прочесть и понять. Дж. Кюглер, однако, говорит, что хотя тема книги затрагивает такие проблемы, как толкование высказываний раввинов, "она, тем не менее, легко читается и усваивается от начала и до конца. Данный подход имеет такое преимущество, что

после прочтения книга может стать хорошим учебным пособием, используемым при более углубленном изучении материала".

В Израиле сложились более благоприятные условия для разрешения конфликта между Церковью и Синагогой, по сравнению с другими странами, потому что у тех, кто не живет в Израиле нет такой необходимости защищать свою независимость и бороться за свое существование. Возможно даже, что Иаков снова встретится с Исавом у ручья Иавок. Иудею легче принять Евангелие, нежели язычнику; конечно, для иудея оно является камнем преткновения, но для язычника, по словам апостола Павла — это просто "безумие". Знаменитый шведский раввин Маркус Эренпрейс описывает в одной из своих книг странствующего еврея, который бродит, как изгнаник, от дома к дому, от одной группы людей — к другой. Наконец, он останавливается, не имея более сил сделать ни шага. И он видит перед собою кого-то, похожего на Ветхого Днями, Который спрашивает: "Почему ты остановился?" "Я просто не могу идти дальше", — ответил он. Тогда Ветхий Днями говорит ему: "Если ты сдашься именно сейчас, то это будет огромное несчастье, потому что тогда ты потеряешь Дух Жизни, и в конце концов станешь, как безмолвный камень".²³³

Если христианская Церковь не обратится к своим корням, то ей грозит такая же опасность.

— * —

233. Marcus Ehrenpreis, *Israels nutid och framtid*, Stockholm 1921, стр. 239.